

Константин Леонтьев

Г. Катков и его враги на празднике Пушкина

Константин Николаевич Леонтьев

Г. Катков и его враги на празднике Пушкина

«Итак, Москва отпраздновала торжественные поминки великому русскому поэту. Сама Церковь благословила поэзию в лице творца Онегина и Годунова. Говорили речи, декламировали стихи, восхищались, даже плакали...

Говорили многие и говорили хорошо! Ф. М. Достоевский... выводил из духа пушкинского гения пророческую мысль о «космополитическом» назначении славян.

В газетах напечатаны еще речи г. Островского, И. С. Аксакова о «медной хвале» поэту и, наконец, наделавшая столько шуму речь г. Каткова о «примирении».

Все это возбуждает столько разнообразных и даже противоречивых мыслей...»

Содержание

Константин Николаевич Леонтьев Г. Катков и его враги на празднике Пушкина	0004
I	0005
II	0021
#4	0037
#5	0045
#6	0046

**Константин Николаевич
Леонтьев
Г. Катков и его враги на
празднике Пушкина**

Итак, Москва отпраздновала торжественные поминки великому русскому поэту. Сама Церковь благословила поэзию в лице творца Онегина и Годунова. Говорили речи, декламировали стихи, восхищались, даже плакали.

Высокопреосвященный Макарий в церкви, на панихиде по боярине Александре, сказал речь об эстетических достоинствах пушкинской поэзии и забыл упомянуть о некоторых весьма важных церковно-христианских мотивах ее. Ап. Ник. Майков в стихах своих выразил надежду, что мы (славяне) сотворим еще чудеса в мире:

*Но, юнейшие [1] в народах,
Мы, узнавшие себя, —
В первый раз, в твоих твореньях,
Мы приветствуем тебя,
— Нашу гордость — как предтечу
Тех чудес (?), что, может быть (?!),
Нам в расцвете нашем полном
Суждено еще явить.*

Говорили многие и говорили хорошо! Ф. М.

Достоевский (я читал ее в «Московских ведомостях») выводил из духа пушкинского гения пророческую мысль о «космополитическом» назначении славян.

В газетах напечатаны еще речи г. Островского, И. С. Аксакова о «медной хвале» поэту и, наконец, наделавшая столько шуму речь г. Каткова о «примирении».

Все это возбуждает столько разнообразных и даже противоречивых мыслей... Все это издали (из калужской деревни) является сначала до того смутным, и сам праздник застаёт до того врасплох, что не знаешь на чем прежде всего остановить внимание. Каждый из нас теперь так занят и своими спешными и срочными интересами, и общими вопросами практической важности; даже и в деревне, я уверен, очень редко кому приходится раскрыть самых любимых смолоду поэтов и прочесть их *для себя*, для своего личного наслажденья... У многих ли образованных и деятельно живущих людей в наше время, в России есть тот сердечный досуг, при котором легко читаются и всей душой становятся понятными все эти великие и *истинно досужие*

прежние поэты? Для понимания поэзии нужна особого рода временная лень, не то веселая, не то тоскующая, а мы теперь стыдимся всякой, даже и самой поэтической лени!..

Да и когда нам теперь лениться?.. Все вокруг нас охвачено каким-то тихим и медленным тлением!.. Свершается воочию один из тех нешумных «великорусских» процессов, которые у нас всегда предшествовали глубокому историческому перевороту – крещению киевского народа в Днепре, петровскому *разрушению национальной старины* и, наконец, нынешнему положению дел, конечно, *лишь переходному к чему-то другому...*

Все почти живут теперь в напряжении духа, в мелком беспокойстве, изо дня в день... Петербургская Россия продолжает с успехом уничтожать везде, где может, исподволь и даже бессознательно, остатки своеобразной Московской России, подкапываясь тихонько подо все, что составляет тысячелетние основы нашего быта. Петербургская Россия, эта *мещанская современная Европа*, сама трещит везде по швам, и внимательно разумеющее ухо слышит этот многозначительный треск

ежеминутно и понимает его ужасное значение!..

Поэтому ни свежая зелень русских полей, ни мирная и «таинственная сень» тех самых родных «дубрав», которые так восхищали Пушкина, ни летнее ясное небо этих дней, ни столичные празднества и нервный восторг «разночинной» интеллигенции нашей, ставящей надгробный памятник поэзии *прошедшего*, поэзии, быть может, невозвратимой никогда (ибо эта поэзия была поэзия *дворянская*, а дворянство этого *пушкинского стиля*, вероятно, раз навсегда погибло со всеми своими пороками и со всеми блестящими и глубокими качествами своими!..), – все это не заставит нас забыть надолго ни цареубийцу Гартмана (издающего теперь с Рошфором газету на том самом Западе, который у нас так уважается); ни неурожаев и дороговизны, о которых в газетах стоит стон; ни высших воспитательных затруднений; ни упорства нашего общества в погоне за обыкновенными школами и всеобщей грамотностью, о которой вовсе не убивается сам наш народ; ни конституционных «подходов»; ни нашей глупости и злости; ни

дамоклова меча великого Восточного вопроса; ни безнадежной преданности европеизму тех самых юго-славян, на оригинальность и свежесть которых мы так простодушно надеялись; ни *национальности* «Нового времени», которое еще недавно (в январе) восклицало с восторгом, что мы теперь стали *европейцами* (очень нужно!); ни *космополитизма* «Голоса», который тоже недавно уверял: «Мы теперь стали более прежнего *русскими* (где это? в чем это?)» и который только что назвал патриотическую, почти *государственную* деятельность г. Каткова «предательством». Я не знаю, на чем прежде остановить мое внимание в этом письме... На превосходной ли речи Достоевского (с мыслями которого я все-таки вполне согласиться не могу); на пророчестве ли Майкова о наших *будущих чудесах*, в возможность которых я *желал* бы верить от души; на странном ли поступке Общества любителей словесности с г. Катковым; на выходке ли редактора «Голоса», доведшего личную злобу на этот раз до глупости; на застольной ли речи самого знаменитого редактора «Московских ведомостей» и «Русского вестника»?..

Читая в первый раз эту речь, я был очень неприятно поражен ею... Зачем эта мягкость мысли? На что это полусочувствие «всеобщему миру» в устах энергического вождя охранительной России! С какой стати уступать?.. С какой стати протягивать руку людям вредным, людям пошлого или безумного направления, людям непримиримым, неисправимым или, подобно Тургеневу, отуманенным успехом?.. Мне было больно за Каткова, мне было горько и стыдно за Каткова! Потом я прочел в «Голосе» тенденциозный, всем известный рассказ о впечатлении, произведенном этой речью...

Вот это место:

«Прочтите уже кстати и речь г. Каткова, переданную нам по телеграфу. Только теперь разъяснился «incident Katkoff», в котором нам прежде все представлялось какой-то одной большой бестактностью».

«На днях в «Московских ведомостях» было напечатано под названием «Предостережение» следующее письмо, полученное редакцией».

В редакцию «Московских ведомостей».

«Комиссия Общества любителей российской словесности удержала одно место для депутата от «Русского вестника». По ошибке послано мною приглашение и в редакцию «Московских ведомостей» – приглашение, не согласное с словесным решением комиссии

Председатель Общества российской словесности Сергей Юрьев».

«Что сей сон значит? Кто уполномочил комиссию быть литературным ценовщиком? Почему Катковым не может быть места там, где есть же места Баталиным, Незлобивым и иным прочим? Почему г. Катков называет это письмо *предостережением*?»

«Название оказалось пророческим! Теперь, по прочтении телеграммы, ясно, что комиссия, с г. Юрьевым во главе, хотела спасти г. Каткова от его судьбы – ужасной, тяжелой, убийственной, но неизбежной».

«Г. Катков публично на обеде, в присутствии всех, у всех же просил прощения, молил о забвении, протянул руку – и никто не пожал этой руки! Да, тяжелое впечатление производит человек, переживающий свою казнь и думающий затрапезной речью иску-

пить предательство двадцати лет!»

«Страшно!» – так говорит «Голос».

Почти в то же время (а может быть и раньше, не помню) я узнал о неслыханном поступке Общества любителей русской словесности, о письме к Михаилу Никифоровичу г. Юрьева, этого столь мирно и любовно революционного издателя «Беседы» и «Русской мысли»... Это меня еще больше поразило. Итак, *избранные представители русской словесности до того ненавидят власть, до того равнодушны к целостности государства нашего и к политическому престижу нашей Монархии, что забывают даже о литературном достоинстве передовых статей той газеты, которая всегда так неусыпно стояла на страже этих существенных интересов страны!*

Из-за политической ненависти к власти и порядку, быть может, из-за личной вражды к неуступчивому и сильному человеку хотят на литературном празднике отвергнуть *литературные заслуги московского публициста!* Разве может консерватор отрицать литературный гений и могучую стилистику Прудона оттого, что Прудон откровенно проповедует

ту самую медленную, постепенную *воспитательную*, так сказать, *революцию народов*, которую под разными прикрытиями восхваляют наши либералы: Полетика и Вейнберг в «Молве», Тургенев – в речах, обращенных к молодежи, Краевский и Бильбасов – в «Голосе» и столькие другие в других органах печати, в судах, с кафедр и у семейного очага?.. Разве можно отрицать и отвергать литературную силу сатиры Салтыкова только оттого, что этот человек – живой и неистощимый вулкан грязного яда и оппозиционной желчи?.. *Нет, нельзя!* Но либералы дошли до такого помрачения ума!

Ненависть к охранению у них до того сильна, что и в Обществе любителей словесности – этой самой словесности русской знать не хотят и в серьезное сборище почти академического характера вносят дух партий и дух разрушения всего того, что даже этому всечтимому Пушкину (*прежде всего дворянину и светскому человеку*) дало возможность свободно и правильно развить свой изящный, легкий и могучий гений!

Читая обо всех этих неслыханных глупо-

стях и гадостях, я просто верить им не хотел. К счастью моему, я жил почти всегда где-нибудь далеко от столиц, от журнальных и ученых кругов и от всех этих омерзительных влияний... От этого удаления я сохранял еще до самого последнего времени какую-то, до глупости доходящую, простодушную веру в *русский ум*.

Не в тот практический русский ум, который умеет пользоваться обстоятельствами и течением времени. В этом, низшего разряда уме у наших писателей недостатка нет; не про этот ум я говорю, но про ум *теоретический*, прямой по чувству, сложный и глубокий по бесстрашной независимости. Я сохранял долго веру в настоящую какую-то *русскую* мысль, непохожую на чужую и ходячую монету западной *последней* мысли... *Я все еще не верил в серьезность либерализма нашего*. Либеральное мирозерцание казалось мне слишком уж поверхностным. Я долго думал, что все это – *только так*. Люди эти, в сочинениях своих, ведь обнаруживали же свою начитанность, наблюдательность, иногда остроумие?.. Не могли же они не желать всем серд-

цем и всей душой отказаться от «ветхого», именно от «вчерашнего европейца», от европейца – раба капитала, конституции, от раба адвокатов и машин, наделавших человечеству, *по крайней мере*, столько же вреда, сколько и временной и вовсе не равномерной пользы.

Но я ошибался, постыдно ошибался! Либералы наши серьезны в нищете своего мировоззрения; корифеи русской мысли в жалких предрассудках своих, *кроме последнего вывода западной общественной мысли*, ничего не видят на свете!

Они часто говорят о «народе»! Но пусть прочтут и объяснят добросовестно *настоящему* народу, что думает и что пишет этот самый Катков, и они узнают тогда, на чьей стороне *народ!*

В журнале «Беседа», которую лет десять тому назад издавал тот же самый Юрьев, который теперь все носится *со свободой и* человеческим достоинством в «Русской мысли», была напечатана большая статья «Всеславянство». *В ней развивалась мысль, что славяне всегда были до того либеральны и до того не*

любили власть, что предпочитали домашней строгой дисциплине постоянные усобицы, доводившие их до подчинения немцам и другим иностранцам.

Междоусобий на Западе (говорилось в этом ученом сочинении) было так же много, как и у славян; но на Западе никогда не забывалось вполне, что *есть какая-то власть, вне нашей воли и избрания стоящая*, которая чтилась в принципе, вопреки всем тревожностям и раздорам. Славяне же не хотели признавать такого *принципа* и в случае крайности предпочитали *насилие* иноземцев добровольному подчинению какому-нибудь подобному принципу, исшедшему из собственных национальных недр.

О России, о популярности монархической безграничной власти в сознании русского народа – в этой статье как-то вовсе не говорилось. Может быть, потому, что автор думал, будто вся эта крутая сословно-бюрократическая и церковно-военная дисциплина последних веков (именно тех веков, в течение которых Россия переродилась из ничтожного княжества в великую мировую державу), что эта

русская дисциплина, несвойственная всем другим славянам, есть не что иное, как продукт совокупного влияния начал, чуждых коренному славянству, – начал: византийского, татарского и немецкого. Может быть, в этом и есть значительная доля *очень печальной* для славянского самолюбия правды: дисциплина нашей Церкви происхождения вполне византийского; немцы до сих пор еще учат нас порядку; а татарской крови, как известно, течет великое множество в жилах того дворянства русского, которое столько времени стояло во главе нации нашей и, исполняя беспрекословно волю царскую, так славно и так строго правило народом.

Быть может, кто знает, *если бы не было всех этих влияний*, то и всеславянское племя, и русский народ, в частности взятый, из буйного безначалия перешел бы легче всякого другого племени или нации в то *мирное безвластие*, в ту организованную, *легальную анархию* [2], которую ставит идеалом человечества все тот же Прудон (самый прямой, открытый и последовательный из всех революционеров или все равно – прогрессистов XIX

века).

Но этого, слава Богу, не случилось, и *прошедшего изгладить нельзя из народной души*. И теперь, если бы русский народ доведен был преступными замыслами, дальнейшим подражанием Западу или мягкосердечным покровством до состояния временного безначалия, то именно те крайности и те ужасы, до которых он дошел бы со свойственным ему молодечеством, духом разрушения и страстью к безумному пьянству, разрешились бы опять по его же собственной воле такими суровыми порядками, каких мы еще и не видавали, может быть!

Не испорченный ложными идеями свободы русский простой человек скорее поймет дух «Московских ведомостей», чем дух «Беседы», «Голоса», «Молвы» (ибо это все, в сущности, одно и то же).

Публицисту «Московских ведомостей» более других принадлежит первое место на празднике поэта, который тоже был народен в лучшую и зрелую пору своего творчества и которого силятся теперь (под покровом закона) сделать популярным, вероятно, вовсе не

для того, чтобы народ понимал и читал «Клеветникам России», «Полтаву» и переложение молитвы «Отцы пустынноики и жены непорочны», а для того, чтобы до него дошли такие минутные вспышки переменчивого и разнообразного гения, как стихотворение:

Беги! Сокройся от очей Цитеры, слабая царица!..

Такие мысли волновали меня, и больше всего я досадовал при этом именно на того человека, которому я сочувствовал и которого ценю так высоко, на г. Каткова. Но впоследствии я понял, что он не сделал никакой ошибки. Он был прав, предлагая примирение *в виде опыта!* Его речь была пробным камнем, обнаружившим все упорство и ослепление его противников.

И правая сторона может делать первый шаг к примирению, в надежде, что противники не враги, а только заблудшие люди, способные к добросовестному покаянию в неправдах своих.

И тут г. Катков доказал еще раз всю практическую дальновидность своего ума. *Прими-*

рение невозможно. Примирение требует уступок; но разве могут уступать что-нибудь из своих священных убеждений г. Катков и его единомышленники, которых так мало в печати, но в нации такое великое множество? «Вот такая уступка была бы действительным предательством со стороны московского публициста!»

Я еще не кончил о редакторе «Московских Ведомостей» и его противниках... Г. Катков стоит так одиноко и на такой высоте среди деятелей политической печати нашей, имя его в течение стольких лет было так тесно связано со всеми замечательными событиями современной истории русской, что говорить о нем и его врагах почти то же, что говорить о нашем государстве и его недоброжелателях, его изменниках (по злобе ли или недоразумению и глупости – не все ли равно). Избави Боже большинству русских дойти до того, до чего, шаг за шагом, дошли уже многие французы, то есть *до привычки служить всякой Франции и всякую Францию любить*!.. На что нам Россия не самодержавная и не православная?

На что нам такая Россия, в которой бы в самых глухих селах утратились бы последние остатки национальных преданий?..

Такой России служить или такой России подчиняться можно разве по нужде и дурному страху (я говорю дурному, ибо есть *страх*

добрый, честный и высокий, страх полурелигиозный, растворенный любовью, тот род страха, который ощущает и теперь еще истинный русский при одном имени русского Царя)... И вот о том-то именно и заботился г. Катков, чтобы теперешняя Россия, в которой кое-что прежнее еще хранится, не стала бы вполне такой новой Россией, неприглядной и недостойной уважения.

Впрочем, прежде нас «Берег», в резкой и твердой статье, напомнил об истинно великих заслугах Каткова и об его спасительной инициативе в тяжкие минуты колебаний и общей растерянности. Неужели все это ничего не значит в глазах противников московского публициста?

И не прав ли я был, говоря, что враги г. Каткова – враги государству?

О! Если бы они были только личные враги ему! Отчего же не ненавидеть за что-нибудь лично человека сильного, может быть, иногда даже и жестокого в своей твердости и энергии?.. Без некоторой степени каприза или того, что зовется нынче так узко «самодурством», невозможно развитие гения или

сильного практического таланта. Поэтому и проистекающие из личных столкновений досада и ненависть не перестанут обуревать людей до скончания века или, по крайней мере, до тех пор, пока не сбудется пророчество Достоевского, «пока славяне не научат все человечество той *всечеловеческой любви*», которую не могли безусловно утвердить в людских сердцах ни Св. Отцы, ни Апостолы, ни даже Сам Божественный Искупитель.

Пусть бы, говорю я, ненавидели М. Н. Каткова, это ничего. *Это грех*, положим; но возможно ли приложение *духовной* или церковной мерки к издателям «Голоса», или к автору «Дыма» и «Нови»?..

Нельзя метать *духовный «бисер» перед людьми, доказавшими свое неверие*. Поэтому обратимся лучше к чисто общественному значению личной вражды.

Чисто личные интриги, личная борьба и ненависть никогда еще не разрушали обществ; а разрушались общества тогда, когда с личной ненавистью соединялись какие-нибудь *негосударственные идеи*...

Примеров тому великое множество в исто-

рии.

Возьмем хотя бы придворные интриги, даже самые низкие и жестокие; этого рода интриги сами по себе, при *неизменности принципов*, могут производить только колебание дел в очень тесных границах, они могут причинить много частных горестей и страданий, но они никогда и нигде не расстраивали целого, если не вносились в жизнь общие разрушительные идеи. Личные интриги и личная вражда в общественной жизни подобны *грехам* в духовной жизни нашей; как бы велики грехи эти ни были, не они, а ереси, расколы или принципиальное безверие расстраивали религиозные общины.

Покойный Бодянский тоже ненавидел лично Каткова, но он *понимал* его, и в государственном отношении он ему сочувствовал. Он говорил не раз мне самому, пишущему эти строки:

– Катков личный мне враг!.. Я его терпеть не могу; но он *первый*, он *великий* русский публицист...

И с какой энергией, с каким выражением говорил мне это оригинальный и упрямый

малоросс. С каким уважением я вспоминаю по этому поводу некрасивую фигуру этого старого ученого, который вовсе не был похож на нынешних, *персонально*, большею частью, бесцветных и как-то *неизящно приличных* ученых. Сердитый, мрачный, неприветливый, иногда очень даже грубый, сам маленький, голова большая, кривой, лицо совсем круглое, серое какое-то и сюртук серый, на руках почему-то малиновые митенки... Он очень любил бранные русские слова; любил отозваться при случае про какого-нибудь из людей, известных у нас ученостью или талантом: «Дурак! Черт его возьми...» А иногда и *еще проще...* И, прибавляя потом, чуть не про всякого: «Да что вы мне толкуете!.. Он мой ученик!»

Истина (или то, что казалось ему истиной) была ему дороже и личных чувств, и гражданских предубеждений. Он считал себя, не без основания, патриархом славянофилов и мало сочувствовал нынешним славянофилам, которые, по его мнению, уклонились от настоящего смысла своего первоначального учения и стали простыми *демократическими*

панславистами.

И надо было видеть этого человека, надо было слышать его, когда он с таким энергичным жестом и с такой ожесточенной яростью повторял эти слова:

– Я Каткову личный враг; но он первый у нас публицист... Он великий русский публицист!..

Я согласен, пусть бы многие из писателей и редакторов наших были бы точно такими же врагами Каткова, каким был Бодянский: только врагами *ему самому, но не противниками его политического духа; ибо враждовать так злобно против того, что защищают* «Московские ведомости» столько лет, – значит враждовать против силы и целостности русского государства.

Вот что говорит по этому поводу «Берег»:

«Мы не станем приводить других случаев, резко обрисовавших направление «Московских ведомостей» или их редактора; но резюмируем те общественные и государственные интересы, которые с такой страстностью защищал московский публицист:

а) Территориальная целость России и ее

достоинство в качестве великой державы.

b) Интересы русской и славянской национальности.

c) Самодержавие, авторитет правительства и неприкосновенность Главы государства.

d) «Основы», т. е. религия, семья и собственность, которым угрожала и по сей день угрожает нигилистическая пропаганда.

Хорошо ли, дурно ли редактор «Московских ведомостей» защищал перечисленные интересы, это решительно все равно, – защищал как умел, но защищал.

Повторяем, мы никак не имеем намерения защищать «Московские ведомости» или оправдывать их редактора.

Наша задача лишь констатировать теории, во имя которых то и дело заявляет претензию «Голос», изображать собою какую-то либеральную партию, толковать и доводить до всеобщего сведения «желания и чувства» этой партии.

Очевидно, что защита исчисленных интересов, общественных и государственных, защита, веденная с энергией и по крайнему разумению, никак не может считаться «преда-

тельством» *этих* интересов. Защита могла быть *предательством лиц других интересов, диаметрально противоположных первым*. Каких же? *Противопологайте и разумейте!*»

«Не правда ли, человеку можно безусловно верить лишь тогда, когда он проговаривается?»...

Так говорит «Берег», а я говорю вот что:

Либералы наши правы только в одном отношении: они чувствуют, что бестолковая интеллигенция наша на их стороне... [3] Отчего же в Москве, в этой «охранительной» Москве, не нашлось множества людей, которые на овации Тургеневу (во всеуслышание), самого себя обозвавшего «либералом», ответили бы какой-нибудь шумной демонстрацией в пользу Каткова?

Ведь Катков был прав, обличая Тургенева в жалком потворстве и сочувствии *всем* стремлениям нашей молодежи!.. И столько людей согласны в сердце своем с московским редактором!.. Отчего же они молчат? Отчего не напечатать тотчас же хоть в «Береге» энергического протеста со множеством подписей? Отчего не поднесло тотчас же московское обще-

ство защитнику Церкви, Самодержавия и дворянства (*отчасти и народности*) какого-нибудь *вещественного выражения* своего уважения?..

Если бы у нас, у русских была бы хоть искра нравственной смелости и того, что зовут умственным творчеством, то можно было сделать и неслыханную вещь: *заживо политически канонизировать Каткова*. Открыть подписку на памятник ему, *тут же близко от Пушкина на Страстном бульваре*. Что за беда, что этого никто никогда и нигде не делал? *Тем лучше!* «*Именно потому-то мы и сделаем!*»... Пусть это будет крайность, пусть это будет неумеренная вспышка реакционного увлечения. Тем лучше! Тем лучше! Пора учиться, как *делать реакцию*...

«Натиск пламенный» есть... Пусть и отпор будет не только «суровый», но и еще более пламенный, чем либеральный натиск.

Или мы уже не в силах ничего своего защищать? Или мы ничего охранять уже не умеем, не можем и не смеем? Или правду сказал про нас Мишле: «Россия сгнила раньше зрелости»?

Пусть не примут эти слова мои за чрезмерную лесть г. Каткову. Я уже не раз говорил, что я во многом с ним не согласен; и *некоторые мнения его* (слишком «европейские» по стилю) *мне невыносимы и сильно раздражают меня*. Но это не мешает мне ценить в нем то, что ценить *обязан* всякий истинный русский: его нападки на нынешние суды, его роль в деле Засулич и Трепова, в деле нигилистов и мясников, их за дело (и, к несчастью, слишком мало) побивших. Всего подобного не перечислишь... Но оставим это; я хочу предложить себе другой вопрос, *именно по поводу памятника первому русскому поэту*.

Посмотрим, кому бы из современных или не так давно отошедших в вечность русских публицистов ближайшее или дальнейшее потомство может найти пристойным поставить точно такую же «медную хвалу» (по выражению И. С. Аксакова), какую надумались поставить теперь Пушкину?

Кого можно счесть по силе, по дару и влиянию на поприще *политической словесности* чем-то равносильным Пушкину на поприще *словесности изящной*? Конечно, Каткова! Ко-

нечно, всякий, даже и ненавидящий его лично человек, должен повторить слова Бодянского: «Он – личный враг мне (или я ему враг); но он первый и величайший русский публицист!»

Оглянемся вокруг...

Деятельность некоторых нынешних публицистов слишком еще кратковременна, чтобы судить об ее влиянии... Влияние других – ничтожно. Кому же? Краевскому и Бильбасову, которые действуют давно?.. Нельзя. Никому и в голову не придет это Такое предложение показалось бы неловким даже и тем людям, которые покупают «Голос».

Многие из них покупают его по двум причинам: во-первых, потому, что наполовину не понимают, *что там написано и куда все это ведет*, а, во-вторых, потому, что в «Голосе» очень много фактов, известий и вообще занимательного материала, к достоинству, к личности, дарованию и гражданскому характеру редакторов ничуть не относящегося. Нельзя ставить монументы за ловкую торговлю... Торговля необходима; торговля в государстве то же, что пищеварение в теле; и без пищева-

рения нельзя; но никто не считает пищеварение отравлением высшим, и нельзя идею торговли возводить на пьедестал, наравне с гражданской доблестью, с поэзией, с военными подвигами, пожалуй, даже и с научными заслугами, столь измельчавшими и опошленными теперь бездарным множеством ученых вульгарностей.

Кому же? Представителям демократического либерализма? *Но либерализм долговечной будущности не может же иметь; и до сих пор он явился только чем-то переходным, разрушительным, ослабляющим, размягчающим, расстраивающим все старое, все местное, все обособляющее, все, имеющее стиль и силу, но ничего ни местного, великого и прочного, сам по себе, не создавшим, ни миру никакого поразительного наследства не дающим. Мир живет организацией, т. е. удачной гармонией свободы и стеснения; а до сих пор, во всей Европе, с конца XVIII в., все опыты подобной гармонии на либерально-эгалитарных основаниях были неудачны и нестойки.*

И большая против прежнего свобода лица привела личность только к большей бесцвет-

ности и ничтожеству... из которых она выходит лишь в те минуты, когда жизнь хоть сколько-нибудь возвращается к старому. Например, самый богатый расцвет оригинальных и сильных личностей на всех поприщах и во всей Европе совпал в нашем веке с религиозной, монархической и аристократической реакцией, продолжавшейся от 1815 г. до 1848 года. Сперва потрясающие демократические войны консульства и империи; потом глубокая реакция и долгий мир... Тогда и сам либерализм усиливал выразительность общей жизни, оставаясь долго лишь в роли возбуждающего протеста.

К этому времени, собственно, можно отнести стихи Пушкина...

Там натиск пламенный, а здесь отпор суровый, Пружины смелые гражданственности новой!

Когда же натиск либерально-демократических начал стал сильнее охранения и эти отрицательные начала взяли верх везде (после 1848 года), все принизилось, все поблекло; границы государств, особенности быта стали словно таять; все начало опошляться, ста-

ло суше, бездушнее, скучнее, и вся Европа пошла быстрыми шагами к чему-то такому, о частностях которого пророчествовать еще нельзя, но о сущности чего можно наверное сказать, что оно либерально и кротко не будет...

Кто же будет ставить памятник *либералам нашей печати?*.. Правительство?.. Самодержавное правительство может, пожалуй, из принципа «свободы печати», допускать многое; но трудно предположить, чтобы монархическое правительство сочло долгом прославлять редакторов и писателей, желающих ослабления царской власти (т. е. конституции), рассыпающихся перед всякой *республикой* и даже позволяющих себе оправдывать, подобно «Голосу», те иностранные правительства, которые потворствуют бегству наших государственных преступников, на царскую жизнь злоумышляющих!..

Общество? Но что такое общество? Это такое тягучее понятие... Трудно, однако, предположить, чтобы «интеллигенты» [4] наши дошли уже так скоро до полного и всеобщего равнодушия к целостности и силе государства на-

шего... А на пути защиты этих начал кто же, отрезвившись от фрондерства и подумавши немного, не предпочтет г. Каткова всем другим политическим писателям нашим?.. Его знают очень многие люди и из той части русского населения, которое зовется собственно *народом*... Его имя только одно и за границей многим известно. Оно возбуждает там *именно ту ненависть, которую нужно на Западе возбуждать!* Ибо наружное политическое согласие с Европой необходимо до поры до времени; но согласие внутреннее, наивное, согласие идей – это *наша смерть!!* Были и есть у нас еще люди прекрасной души, высокого ума, достойные признательности и уважения, – это славянофилы. Но известно, что ни один из прежних славянофилов, в отдельности взятый, не сделал, или не успел, или не мог, по обстоятельствам, сделать столько *на своем пути, сколько, на своем веку, уже сделал Катков.*

Киреевский, этот удивительный по добродетелям и уму человек (как говорят все его знавшие), дал только общий дух; он написал мало, и круг влияния его был очень ограни-

чен. Хомяков, К. Аксаков и Самарин дополняют друг друга. Ив. Серг. Аксаков, ныне живущий и столь много послуживший необходимому делу *политического* освобождения славян, во дни высокого подъема нашего духа (десять лет тому назад), по *культурному* вопросу собственно не захотел, видимо, в литературной своей деятельности ни на шаг отклониться от завещанных его предшественниками общих идей; он приложил очень много своего труда к развитию подробностей прежнего учения, но едва ли прибавил что-либо свое к основам его. Я сказал – он *не захотел*; я не сказал – он *не сумел* или *не смог*; таланты, познания и независимость Ив. Серг. Аксакова таковы, что он, конечно, *сумел* и *смог* бы отклониться; но есть сердца твердые, есть характеры и к своему уму суровые, которые держат мысль в узде и не дают ей изменять тому, что для сердца стало святыней... Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что таков должен быть мужественный и благородный боец «Дня» и «Руси».

В прежнее (*несколько либеральное* все-таки) учение славянофильства он не позволил себе внести ни малейшей *ереси*. Он – даровитый, верный и непреклонный хранитель завещанного ему сокровища; но само сокровище это, но самый этот клад отыскан не им, и он пускает его в оборот теперь почти без процентов. Вот уже более четверти века он не дает забыть русским людям это симпатичное учение. Заслуга эта, конечно, очень велика; она даже весьма индивидуальна, своеобразна по отношению к другим его *современникам*, но по отношению ко всей группе славянофилов 40-х годов она недостаточно индивидуальна... Когда люди будущего нашего оглянутся назад, когда это будущее станет настоящим, они увидят в истории второй половины XIX века *собор*, так сказать, этих замечательных и безукоризненных русских людей и почтят их всех вместе почтением благодарной любви, и, конечно, тому, кто дольше всех и *при новых условиях* жизни оставался верен старому учению, выпадет на долю немалая слава!

Но все-таки гражданская роль г. Каткова

индивидуальнее подобной роли, не говоря уже о громадной силе его непосредственного, практичного, немедленного всегда влияния... Это умение выразить ясно, сильно и даже изящно и главное – *вовремя* – именно то, о чем думают и беспокоятся столькие другие люди, государству искренне преданные... это умение у редактора «Московских ведомостей» поистине изумительно и гениально!..

Говоря о славянофилах, надо также вспомнить, что есть еще один человек, по-видимому, не признаваемый вполне славянофилами за своего, а между тем объяснивший *сущность* учения славянофильства гораздо лучше и яснее всех родоначальников этого учения, это – *Н. Я. Данилевский*. Он написал одну только книгу «Россия и Европа». Книга эта в первый раз определила, что настоящее славянофильство есть не *простой панславизм* и ни какая попало *любовь к славянам*, а стремление к *оригинальной культуре* (все равно – враждой или любовью, деспотизмом или свободой купленной); стремление к *своеобразной* (на западную вовсе не похожей) *цивилизации*, долженствующей поглотить и претворить в

себе европеизм, подобно тому как Европа поглотила и претворила в себе римскую, древнегреческую и отчасти византийскую цивилизацию (в церковном учении своем). В сущности, Данилевский есть более, нежели кто-нибудь, *настоящий истолкователь и независимый ученик* Киреевского и Хомякова; и оба эти старые славянофилы, по отношению к нему, являются только предтечами.

Что же сделать с этим автором «России и Европы», с этим одиноким мыслителем, с этой книгой, которая должна стать как бы фундаментом и катехизисом для всех *настоящих славянофилов*, т. е. для людей, *предпочитающих дело культурного обновления выбору путей или средств*.

Итак, из славянофилов *ни один отдельно взятый человек* не явился в результате и ширине своего *влияния* и своей *деятельности* настолько сильным и, так сказать, литературно и политически *крупным*, настолько *отдельно стоящим на большой высоте*, чтобы положение и роль его можно было на поприще гражданском уподобить положению и роли Пушкина на поприще поэзии... Славяно-

Филов можно (и должно даже) изобразить всех вместе, в виде группы; но и то только в таком случае, если Россия, присоединив *просто и без долгих разговоров* Константинополь и Дарданеллы, *немедленно станет во главе совершенно антиевропейского движения, долженствующего ознаменовать новый период своеобразного творчества в истории человечества*, период, подобный тому, в который некогда вступила и Западная Европа, отделившись от Восточного Православия и создав себе папский Рим и своего кесаря в лице Карла Великого.

Иначе, если этого не будет, то славянофилы представляются потомству тем, чем они кажутся и нам *в минуты* (весьма, я думаю, простительного) неверия в самобытность славянского гения, т. е. благородными и высокоодаренными мечтателями, которым надо отдать дань глубокого личного уважения, но чьих мысли и действия не были ни *вполне* пророческими для будущего, ни *поразительно* влиятельными в современном им настоящем. Что касается до меня лично, то я расположен скорее *верить, т не верить* в будущее

торжество славянофильских основ.

Еще одно предположение. Пусть это предположение примут, пожалуй, за абсурд, подобно тому как в геометрии предполагают, что прямые углы не равны или что две параллельные линии могут сойтись и пересечь где-то друг друга, не переставая быть параллельными. Предположим, что то мирное, но очень быстрое подтачивание всех дисциплинирующих и сдерживающих начал, второе с таким ловким упорством производится теперь [5] везде в России, привело бы неожиданно для одних, утешительно для других к полному торжеству нигилистов?

Как вы думаете, гг. либералы, вам они, что ли, поставят памятник? Нет! Социалисты везде (а особенно наши Марки Волоховы и Базаровы) ваш умеренный либерализм презирают... Французские социалисты и вообще крайние радикалы презирают всех этих Эм. Жирарденов, Тьеров и Ж. Фавров... И они правы в своем презрении... И как бы ни враждовали эти люди против *настоящих охранителей* или против форм и приемов охранения, им неблагоприятного, *но все существенные сто-*

роны охранительных учений им самим понадобятся. Им нужен будет страх, нужна будет дисциплина; им понадобятся предания покорности, привычка к повиновению; народы, удачно (положим) экономическую жизнь свою пересоздавшие, но ничем на земле все-таки не удовлетворимые, вспыхнут тогда новым жаром к мистическим учениям и т. д.

Да, конечно, если анархические социалисты восторжествуют где-нибудь и когда-нибудь, то они отдадут справедливость, скорее, консерваторам, сохранившим для их новых порядков своей борьбой хотя какие-нибудь драгоценности прежней цивилизации, прежних психических привычек, чем тем представителям осторожного, ловкого и своекорыстного отрицания, которых зовут либералами и которых настоящее имя должно быть: *легальные революционеры* – и больше ничего...

И наши нигилисты если бы и дождались когда-нибудь столь неприятного для нас счастья – ставить памятники, то поставят они их не Бильбасову, не «Молве», а своим: Бакунину, Добролюбову, Писареву... Даже и не Герцену, ибо у Герцена, как у бога Януса, два

лица, и самое приятное из них, самое прекрасное и *полное искренности, по выражению своему обращено к полудворянскому, полумужицкому прошедшему России*, а не к демократической революции!

Это «ужасное», это «презренное», это «рабское» и «гнусное» *прошедшее* наше было ведь так бедно чувствами и содержанием, что вскормило гений Пушкина и воспитало самого Герцена этого, наложивши печать феодальной поэзии и барского изящества на самое революционерство его, в котором было больше эстетического каприза, чем действительного и постоянно искреннего сочувствия разрушительному движению.

Да! Нигилисты, по крайней мере, последовательны и смелы в своей преступной логике, в своем отвержении! Они жаждут разрушения, жаждут крови и пожаращ, и отдают за это зверское безумие жизнь свою... А вы, вы, не идущие на столь опасную игру?.. Не будут ли правы эти люди анархии, если отвергнут вас и ответят вам когда-нибудь стихами того самого Пушкина, которого вы читаете с виду *не потому, что имеете с ним что-нибудь*

*общее в духе, а потому лишь, что хотите эска-
мотировать его славу в пользу вашего кисло-
го направления! Не скажут ли они про вас с
презрением:*

*Они на бранное призыванье
Не шли, не веря дивным снам;
Прельстясь добычей боевою
Теперь, в раскаянье своем,
Рекут; возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем!*

Не дай Бог, впрочем, ни нам, ни даже и
вам до этого дожить!

Примеч. 1885 г. Быть может, во всем этом найдутся какие-нибудь *фактические* ошибки; но я уже сказал, что в Москве сам не был, а судил по газетным сообщениям. Если и так, то теперь проверять подробности уже поздно. И потому: *еже писах – писах!*

Примечания

1

Русские перешли за 1000 л. государственности; а славяне юга и запада впали прямо в собачью старость буржуазной демократии.

2

Ан-архия Прудон нарочно отделяет чертой частицу *ан*, чтобы его идеал *мирного безвластия* не был бы понят за состояние *хронического междоусобия*.

3

Прошу не забыть, что все это писано в 80-м году, до 1 марта

4

Прошу простить мне это *хамское* слово! Серьезно, без *кавычек* я его не позволю себе употребить. Примеч. авт. 1885 г

5

Теперь – значит тут 80-й год. *Нынче* – в конце 1885 года – я бы этого не написал Примеч. авт. 1885 года.